

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Г. И. Вайнштейн

Рост авторитарных настроений и
фашистская опасность в
современной России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_2_Vainshtein.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

РОСТ АВТОРИТАРНЫХ НАСТРОЕНИЙ И ФАШИСТСКАЯ ОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г.И.Вайнштейн

Самое непосредственное отношение к фашистским тенденциям и их воздействию на характер политического режима в посттоталитарном российском обществе имеет в последнее время стремление масс к установлению “твердой власти”, способной навести порядок в стране. Многочисленные свидетельства роста авторитарных уста-

ВАЙНШТЕЙН Григорий Ильич, доктор исторических наук, ИМЭМО РАН.

новок в общественном сознании россиян все чаще трактуются в политологической литературе и в комментариях аналитиков как непосредственный признак усиления угрозы фашистской диктатуры в России.

Насколько оправданны такие оценки? Действительно, социологические опросы говорят о растущей тяге россиян к “твердой руке”, к наведению в стране “порядка”, о разочаровании в демократических лидерах, допустивших нарастание в России хаоса, неуправляемости и анархии. Однако было бы, конечно, упрощением ставить знак равенства между возросшим стремлением масс к порядку и ориентацией на фашистский режим. Преувеличением было бы также считать, что большинство россиян, жаждущих твердой власти, видят единственный выход из нынешней ситуации в установлении “диктатуры” (которая и в самом деле, будучи установленной, могла бы скорее всего приобрести черты если не фашистского, то, по крайней мере, ультранационалистического режима).

Как показывают опросы, существенный всплеск ориентаций на “железную руку” произошел в России в 1989 — 1990 гг. Если в июне 1989 г. только 8% опрошенных считало, что страну спасут лишь “сильная рука” и “железный порядок”, то к январю 1991 г. доля видевших единственное спасение в “диктатуре” возросла до 26% (ВЦИОМ). Однако в последующий период сколько-нибудь существенных изменений в распространении таких ориентаций уже не наблюдалось. Доля россиян, считавших, что единственное спасение страны состоит в установлении “диктатуры”, составляла в июне, октябре 1993 и в апреле 1994 г. соответственно 23, 29 и 25%. Аналогичные результаты дают и обследования Фонда “Общественное мнение” (например, в декабре 1994 г. 28% опрошенных в общероссийском масштабе граждан были согласны с тем, что России нужна “диктатура — ничем не ограниченная власть одного лица или группы лиц”). На протяжении последних четырех лет доля россиян, видящих единственное спасение страны в “установлении диктатуры”, остается на одном и том же уровне, колеблясь в пределах 23–28%.

Безусловно, это не мало. Но плохо то, что демократические ориентации не расширяют сферы своего влияния, а даже ослабевают в общественном сознании. Однако представляется, что масштаб распространения в обществе ориентаций на диктатуру недостаточен для победы ультраправых сил на ближайших выборах.

Тем не менее, нет и оснований для самоуспокоения. Нельзя не видеть того, что массовая потребность в наведении в стране порядка действительно является фактором, способствующим (по крайней мере, опосредованно) успеху крайне правых сил и в конечном счете может привести к власти фашиствующих политиков.

С одной стороны, распространившиеся в массовом сознании упования на то, что лишь правление сильного лидера позволит преодолеть стоящие перед страной проблемы, значительно снижают иммунитет общества против волевых действий властных структур. С другой стороны, тяга масс к принятию решительных и жестких мер ради порядка способна привести к установлению авторитарной системы правления и демократическим путем, через выборы. Каким образом это может произойти? На мой взгляд, использование крайне правыми складывающейся в стране социально-психологической ситуации может произойти на следующих выборах в результате осуществления трех сценариев.

1. *Переориентация масс*, при которой идеология национал-социализма заполнит значительную часть духовного вакуума в общественном сознании вследствие дискредитации коммунистических идей, а также разочарования в ценностях демократической альтернативы.

2. *Изменения политического выбора* вследствие неспособности демократической власти навести в стране порядок, что оттолкнет часть ее недавних сторонников к ультраправым, к неофашистам, обещающим выполнить эту задачу.

3. *Неадекватное волеизъявление*, когда поддержка, оказываемая ультраправым, усугубляется уклонением от голосования сторонников демократических реформ, недовольных реальной политикой властей. Кстати сказать, такая ситуация уже имела место в ходе парламентских выборов 1993 г., когда доля голосов, поданных за партию Жириновского, была тем самым увеличена.

Вероятность первого из этих сценариев не представляется в данный момент значительной, хотя нельзя исключать возможности того, что за оставшееся до следую-

щих выборов время тенденции прототалитарной переориентации общественного сознания могут усилиться. Впрочем, исход будущих выборов скорее всего будет зависеть не от реализации какого-то одного из указанных выше сценариев, которые являются не альтернативными, а взаимодополняющими. Необходимо поэтому учитывать их кумулятивный эффект.

С этой точки зрения реформистские, продемократические силы не вправе сегодня игнорировать растущий в обществе “спрос” на укрепление власти. В отличие от некоторых моих коллег, я считаю, что определенная степень авторитаризма, если понимать под ним твердость власти, жесткость в наведении в стране порядка, в нынешних условиях необходима. Как бы к этому не относиться, сейчас существует объективная потребность внести соответствующие коррективы и в политику исполнительной власти, и в позицию демократических сил.

Да, приходится признать, что объективная реальность требует определенных ограничений демократии, возможно, некоторого расширения функций и прерогатив исполнительной власти. Представительная власть продемонстрировала и, к сожалению, продолжает демонстрировать свою беспомощность и недееспособность в преодолении кризисных тенденций в развитии современной России. Но, констатируя этот факт, нельзя закрывать глаза на то, что перед российским обществом стоит очень трудная дилемма: либо известное самоограничение демократии ради сохранения перспектив прогрессивных общественных преобразований, либо утрата самой демократии вследствие слепой приверженности “чистоте демократических принципов”. Если реформаторы, ориентированные, в конечном счете, на демократическое преобразование российского общества, не смогут удовлетворить растущую потребность масс в дееспособной власти, то востребованной обществом окажется политика неофашистской или крайне националистической диктатуры. Похоже, что далеко не все представители демократических сил в полной мере отдадут себе отчет в реальности такого сценария.

Перед лицом подобной угрозы на повестку дня выходит сегодня, как мне кажется, не столько задача разоблачения антидемократического характера общественных упований на “жесткую руку” (чем так активно, и, как можно заметить, так безрезультатно занимаются многие демократы), сколько задача соблюдения необходимых для сохранения демократической перспективы пропорций при корректировке нынешнего политического курса. Речь идет о необходимости выработать такую стратегию при осуществлении курса на “твердую власть”, которая позволила бы сделать российскую демократию сильной и дееспособной, не подвергнув при этом угрозе существование самой демократии. Думается, только таким образом демократическим силам удастся противостоять правой угрозе, перехватить у фашистов, ультраправых, националистов идею наведения в стране порядка и обеспечить продолжение политики реформирования общества. Нельзя, конечно, не признать, что решение задачи сочетания демократии и порядка является в России чрезвычайно трудным делом. Это — объективная реальность, имеющая глубокие исторические причины. И в этом смысле чрезвычайно показательными представляются чеченские события.